Виктор БОГДАНОВИЧ родился в 1935 году. Закончил Новочеркасский геологоразведочный техникум, театроведческий факультет ГИТИСа, режиссерский факультет ЛГИТМиКа.

Работал буровиком, артистом эстрады, диктором, режиссером и редактором на телестудиях в Петропавловске, Целинограде, Свердловске, Москве (ЦТ, РТР, ТВЦ); на киностудии «Центрнаучфильм». Автор и режиссер многих музыкальных, документальных, рекламных, презентационных фильмов. Постановщик спектаклей на телевидении, в театре, на эстраде, руководитель театра поэзии.

Как прозаик и поэт печатался в журналах, газетах и коллективных сборниках. Автор четырех книг поэзии, ряда сценариев и пьес, многих критических публикаций в периодической печати.

Победитель ряда творческих конкурсов как поэт, прозаик и режиссер.

Член Союза писателей России, Союза писателей Москвы, Союза журналистов РФ.

ЭЛЕГИЯ

Зелёные пряди томно
струятся в озёрной неге…
Из этой пиалы огромной
пьёт жеребёнок пегий…

Не чувствую вовсе тела…
Ромашек нависли грозди,
божья коровка села,
неспешно щекочет ноздри…

Беркут завис, привычно
фауне зорко внимая…
Неужто, подлец, за добычу
он и меня принимает?

Ива стоит в поклоне
низко над плоскодонкой…
Комарик неугомонный
над ухом зудит тонко…

Я замер в руках с шестом,
придурковатый с виду –
заворожён волшебством
сказочного «рапида»...

Солнце высоко-высоко…
Пахнет сосною спелой…
Проклевываются строки
смутно и неумело…

И далеко осень,
пока медитирует цапля…
Падает с морды лося
в зелёную воду капля.

СТАРЛЕЙ

Оспа солнечных пятен
в госпитальной аллее,
и грохочет в палате
дробь чечётки старлея.

От окна до порога –
«Мы не деланы пальцем!..» –
сыплет мелким горохом
и ритмическим вальсом…

Разметались по койкам –
всё культяпки-протезы…
Им не сбацать так бойко
ни по пьянке, ни трезвым…

Бьет чечётку старлей,
как последний раз в жизни!…
Всё ловчее, всё злей,
как на собственной тризне!..

Так война окликает.
И слезою горячей
под баян вытекает
из очей из незрячих…

ВЕРНИСЬ, ДУША!

Опять в ночи курлычут журавли,
и в зябком поднебесье тает стая...
Я отрываюсь от родной земли,
как птицу в небо, душу отпуская...

Лети, душа, туда – за край земли,
где сонмы душ в космической пылище!..
Я так надеюсь – где-то там вдали
мои родные души ты отыщешь.

Перед одной из них я виноват,
перед другой – в долгу неоплатимом,
а третья – мне обязана стократ...
Она была особенно любима...

Как много их, с кем связан я навек!
Но здесь, в земной юдоли-колыбели,
меня не отпускает детский смех,
и женский стон, и острый запах прели...

- Постой, душа! – мне хочется вскричать. –
Земля меня ещё не отпускает!
Вернись, душа, ещё не пробил час!..
Всё тише голоса последней стаи...

ТАМБУР

Количество ударов в единицу времени –
сгусток безысходности и жути.
Чесотка и вши, и лишай на темени
лишают человека человеческой сути.
Тем более, если это ребёнок,
и сознание вывернуто наизнанку…
Только и слышишь: «е…ать…е…ать…»…
И одиночество спозаранку.

Когда вожделенный кусок макухи
не протолкнуть в пересохшее горло,
чего удивляться, что с голодухи
«человек» не звучит гордо…
А чтобы вернуть его в «человеки»,
всего лишь – впустите его в тамбур.
И пусть приснятся ему чебуреки,
базаров-вокзалов тогдашний гамбургер.

И пусть ему там приснится мама …
В оранжевом августе… У трельяжа…
И он оклемается в этом бедламе!
Ему и этого хватит даже,
чтоб на витках возрастных колец
глубокой бороздой врезалась там бы
острая память детских сердец,
которые отогрел заплёванный тамбур.